*О.В.Липатова,*
*аспирантка кафедры истории*
*российской государственности РАГС*

# НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЯН (Историко-социологический анализ)

Анализ избирательной практики думского периода Российской империи имеет непосредственное отношение к решению современных политических и правовых задач развития нашей страны, являясь ключом к осмыслению многих аспектов электорально-правовой культуры россиян.

Среди достижений гражданского общества и правового государства выборы и избирательные процедуры занимают особое место, поскольку способствуют развитию политической и правовой культуры граждан, реализации их права участвовать в создании властных структур различного уровня и, наконец, осознании политической ответственности за принимаемые решения.

## Основные принципы избирательного законодательства Российской империи (1905–1917 гг.)

Со школьной скамьи мы привыкаем к словосочетанию «всеобщие, равные, прямые, тайные выборы». Но то, что сегодня является неотъемлемым правом каждого гражданина и показателем цивилизованности государства и общества, сто лет назад было предметом жарких политических дискуссий и мобилизующим на революционную борьбу лозунгом. В то время нигде в мире не существовало всеобщего избирательного права, во всех странах оно было ограничено многочисленными цензами (имущественным, возрастным, образовательным, оседлости и др.), отстраняющими от участия в выборах лиц, не способных сделать свой выбор сознательно. В 1906 г. в России впервые было создано общенациональное представительное учреждение, обладавшее законодательными правами, – Государственная дума. Путь российского общества к нему был сложен и продолжался не одно столетие. Земские соборы XVI–XVII вв., Уложенная комиссия Екатерины II, конституционные проекты XIX в., – вот лишь некоторые вехи в пре-

дыстории российского парламентаризма. Русские цари не желали ни в малейшей степени поступиться принципами самодержавной власти. Потребовались великие потрясения, связанные с революцией 1905–1907 гг., чтобы Николай II – последний русский император – вынужден был согласиться на введение законодательного представительного учреждения.

К XX в. Россия уже накопила определенный опыт выборов, связанный с органами местного самоуправления. Конечно, есть основания критиковать выборы в земские органы и городские думы, проводившиеся с 1864 г., за недостаточный демократизм. В основу избирательной системы был положен сословный принцип, высокие возрастной и имущественный цензы; выборы были косвенными; некоторые группы населения (женщины, осужденные и др.) вообще не были наделены избирательными правами. Тем не менее участие в выборах в органы городского и земского самоуправления значительной части населения страны способствовало приобщению граждан к общественной деятельности, а сама избирательная практика, атмосфера выборов постепенно вносили изменения в сознание и социальную психологию российского обывателя. Таким образом земские и городские выборы и деятельность гласных в определенной степени подготовили население России к участию в думских выборах.

Система выборов в Государственную думу во многом проецировала куриальную и цензовую систему прежних постановлений о выборах в местные органы власти. Основными законодательными актами, определившими порядок выборов в общероссийское представительное учреждение, были: «Положение о выборах в Государственную думу» от 6 августа 1905 г., «Высочайший указ» от 11 декабря того же года, различные законодательные акты более частного характера и, наконец, «Положение о выборах» от 3 июня 1907 г., резко изменившее все избирательное законодательство.

В избирательном праве Российской империи отсутствовали такие принципы, как всеобщность и равенство. Согласно «Положению о выборах» от 6 августа 1905 г., избирательных прав лишались лица моложе 25 лет, все женщины, обучающиеся в учебных заведениях, воинские чины, состоящие на действительной службе, осужденные за различные преступления или находящиеся под судом и следствием, народы, ведущие кочевой образ жизни, иностранные подданные. Не могли участвовать в выборах военнослужащие и должностные лица: губернаторы, вице-губернаторы, градоначальники и их помощники, а также служащие полиции.

Выборы в Думу носили сословный и цензовый характер, т. е. выборщиков объединяли по имущественному или социальному

признаку. Например, курия землевладельцев разделялась на крупных землевладельцев (владевших не менее чем 200–250 десятинами земли) и мелких землевладельцев (собственников не менее чем 20–25 десятин). В уездном съезде землевладельцев могли принимать участие все крупные землевладельцы и только несколько уполномоченных от мелких землевладельцев, выбранных на предварительном съезде. Городская курия разделялась на 1-й и 2-й съезды в зависимости от имущественного ценза избирателей.

Выборы были не прямыми, а косвенными, многоступенчатыми, проходили в несколько этапов. Для более состоятельных городских жителей и крупных землевладельцев они были двухступенчатыми, т. е. сначала определялись делегаты в губернское избирательное собрание, на котором выбирались члены Думы от губернии. Для фабрично-заводских рабочих и менее состоятельных городских слоев закон вводил трехступенчатую систему выборов. Рабочие отдельных фабрик и заводов избирали из своей среды делегатов на губернский съезд уполномоченных, который должен был делегировать выборщиков в губернское избирательное собрание. Наконец, для крестьян устанавливалась четырехступенчатая система выборов. Крестьянский сельский сход избирал уполномоченных на волостной сход. Тот выдвигал из своей среды двух делегатов на уездный съезд уполномоченных от волостных сходов. Уездный съезд избирал выборщиков в губернское избирательное собрание.

Из крестьян правом выбора пользовались только домохозяева, то есть те, кто постоянно проживал в собственном доме и вел собственное хозяйство. Из 92 млн крестьянского населения России в 1906 г. таковых оказалось всего лишь 14 млн. Среди рабочих право голоса получили представители фабрик, заводов и железнодорожных мастерских с общим числом работающих не менее 50 человек мужского пола. В губернском городе Владимире и его уезде в 1905 г. насчитывалось 266 предприятий с общим числом работающих 9560 человек, а в списки предприятий, на которых производились выборы уполномоченных от рабочих, было занесено всего лишь 10 из них с общим числом работающих – 2295 человек. Таким образом, право участвовать в выборах получили 24% от всего количества рабочих в уезде[1].

[1] Подсчитано по: «Памятный календарь Владимирской губернии за 1912 год» и «Общий по Владимирской губернии список предприятий, в коих производятся выборы уполномоченных в Государственную думу» // Владимирские губернские ведомости. 1906. 17 февр.

Как видим, далеко не все население Российской империи имело возможность участвовать в выборах в Государственную думу. Во Владимире только 10% городских жителей было внесено в избирательные списки, в Суздальском уезде – 2,5% от всего населения[1]. Число выборщиков, которые непосредственно участвовали в работе губернских избирательных собраний и выбирали депутатов в Думу, по 51 губернии Европейской России в 1907–1912 гг. составляло 3,3% всего населения, или 16% мужчин старше 25 лет[2].

Заметим, что при зарождении демократии в европейских странах электорат был столь же малочислен, как и в России. Например, в Англии – самой демократической для того времени стране – электорат, если иметь в виду число выборщиков, которые непосредственно выбирали депутатов в парламент, в 1831 г. составлял всего 3,3% от численности населения, т. е. ровно столько, сколько было в европейской России в 1907–1910 гг.

Принимая такой избирательный закон, власть стремилась обеспечить собственное спокойствие, привлекая в свои ряды наиболее благополучных в материальном плане, а, следовательно, наиболее благонадежных, лояльно относящихся к ней людей, ориентированных на достойную, спокойную жизнь без резких, революционных изменений и потрясений.

В «Положении о выборах» среди категорий лиц, не имеющих права участвовать в выборах, называлась и такая, как «несостоятельные», кроме случаев «несостоятельности несчастной»[3]. Термин «несостоятельные» в самом «Положении» не разъяснялся. Профессор П.Казанский в своем толковании закона объяснил этот пункт статьи следующим образом: «…что касается лиц необеспеченных, относительно которых нельзя установить, имеют ли они какую-либо квартиру, или имущество, доходы, жалованье и т. п., словом, пользуются ли они хоть какой-нибудь хозяйственной самостоятельностью, то сюда относятся главным образом нищие, бродяги, чернорабочие, прислуга, рабочие на небольших фабриках, мелкие ремесленники, крестьяне, не имеющие ни земельного надела, ни недвижимой собственности, несамостоятельные члены семейства крестьян и т. п. лица… Закон руководствовался, конечно, тем со-

[1] Подсчитано по: Владимирские губернские ведомости. 1906. Янв.

[2] См.: *Миронов Б.Н.* Социальная история России. М., 2000. С. 159.

[3] Положение о выборах в Государственную думу от 6 августа 1905 г. // Институт выборов в истории России: Источники, свидетельства современников, взгляды исследователей XIX – нач. XX вв. / Авт.-сост. Ю.А.Веденеев, И.В.Зайцев, В.Д.Луговой. М., 2001. С. 537–538.

ображением, что необеспеченным лицам не до участия в управлении государством и что от подобных лиц вряд ли можно ожидать духовного развития, необходимого для понимания сложной государственной жизни»[1].

Высшие государственные чиновники понимали, что неимущим было не до управления государством. «Русский простолюдин, крестьянин и рабочий, – считал министр внутренних дел В.Д.Дурново, – одинаково не ищет политических прав, ему не нужных и непонятных»[2]. Действительно, реальные социально-экономические условия жизни заставляли большую часть населения России задумываться в первую очередь о своих повседневных проблемах.

## Отношение различных политических сил российского общества к избирательному законодательству

Избирательные законы и избирательная кампания по выборам в I Государственную думу вызвали широкие дискуссии в обществе, которые продемонстрировали разнообразные мнения по данным вопросам.

Монархисты, с одной стороны, были убеждены в принципиальной недостижимости народовластия, какие бы избирательные системы или выборные учреждения для этого ни создавались. Бывший народоволец Л.А.Тихомиров, ставший одним из идеологов монархизма, утверждал: «После вековой практики ни для кого не может быть сомнительным, что в парламентских странах… роль народа состоит почти исключительно в том, чтобы выбрать своих повелителей…»[3]. С другой стороны, монархисты заявляли о неприемлемости для России парламентаризма, считая, что он разрушит вековые устои русской государственности. К тому же, по их мнению, русский человек не готов был участвовать в выборах.

Один из видных государственных деятелей К.П.Победоносцев, называя выборы в Государственную думу «роковой, гибельной ложью», писал в 1906 г.: «Чего можно ожидать в бескультурной массе, где ни один человек не стоит на своих ногах, не имеет своего

---

[1] *Казанский П.* Выборы в Государственную думу по законам 6 августа, 18 сентября, 11 октября, 17 октября, 20 октября, 11 декабря 1905 г. и проч. СПб., б. г. С. 5–6.

[2] *Дурново В.Д.* Записка // Красная новь. 1922. № 6. С. 196.

[3] Цит. по: Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 90.

твердого мнения, где люди посреди общинного быта говорят: “Как люди, так и мы”, где под каким угодно письмом можно сразу собрать сколько угодно подписей? Очевидно здесь всяким выбором управит любой крикун, любой мошенник»[1].

Прозападнически настроенные либералы с удовлетворением восприняли создание избирательного законодательства, видя в нем начало движения к конституционной монархии. Правда, кадеты выступали за постепенный переход в дальнейшем ко всеобщему избирательному праву и осуществлению комплекса демократических свобод. Политическая программа октябристов и близких к ним партий была более консервативной: они категорически возражали против введения в России парламентского строя, считая его неприемлемым как с исторической, так и с политической точки зрения, и выступали за сохранение цензовых выборов в Думу, прямых в городах и двухстепенных в остальных местностях.

Левые партии (эсеры, социал-демократы, народные социалисты и многие национальные социалистические партии) называли избирательные законы реакционными и призывали к свержению царского режима и созыву Учредительного собрания на основе всеобщего и равного голосования. Всеобщее избирательное право виделось социалистам прямым путем к народовластию.

## Некоторые черты социальной психологии российских избирателей

Однако думается, что лозунг всеобщего избирательного права для России начала XX в. был малореалистичным: он не сочетался с политико-правовым и гражданским состоянием общества. Известно, что мотивация электорального поведения избирателей в значительной мере определяется ценностями их сознания. А сознание русского человека, особенно крестьянина, для которого «батюшка-царь» по-прежнему был олицетворением незыблемого порядка и справедливости, оставалось патриархальным. В русской деревне господствовали монархические настроения. Даже оппозиционная правительству пресса писала, что в каждой крестьянской семье в красном углу под образами висели портреты членов императорской семьи[2].

[1] См.: «Мать мою, Россию, уродуют»: Письма К.П.Победоносцева С.Д.Шереметьеву // Источник. 1996. № 6. С. 19.

[2] Право. 1906. № 1. С. 573.

Этот эмоциональный, инстинктивный крестьянский монархизм был намного сильнее и действеннее сознательного монархизма образованных кругов российского общества. «Вера хлебопашцев в государя имела давнюю традицию, была неразрывно связана с их верой в Бога, любовью к Отечеству, к отцу и матери, – считает исследователь Н.А.Миненко, – и, чтобы существенно поколебать ее, требовалось серьезно «поработать» над разрушением духовных основ деревенской жизни»[1].

Но «врожденная» приверженность российского крестьянства к самодержавию не означала позитивного отношения народа к властям. Местные чиновники казались крестьянам коррумпированными и ненужными, они существовали как бы для самих себя, не выполняя возложенных на них императором функций, и, как правило, действовали против его воли. Правда, по мере возрастания «этажа власти», отношение к чиновникам у крестьян становилось все более позитивным, а ближайшее окружение царя даже заслуживало уважения[2].

Лидер кадетов П.Н.Милюков в статье «Дума в народном сознании» отмечал: «Царь, как символ единого государства и высшей политической правды и справедливости; чиновники, скрывающие от народа эту царскую правду и скрывающие от царя правду народа, – таковы основные политические идеи крестьянской массы. Несомненно, участвуя в выборах в Государственную думу, очень большое количество избирателей держалось тех же старинных понятий и до сих пор еще видит в своем депутате прежнего ходока, который пойдет к самому царю и прямо от него принесет домой все, что нужно народу»[3].

Интересно, что подобные настроения проявляются и у российских избирателей конца XX – начала XXI в. В глазах большинства населения России «институт президентства может служить, по крайней мере, естественным противовесом притязаниям высшей бюрократии и “владельческого класса” на абсолютное господство, а в лучшем случае – быть властным и справедливым верховным

---

[1] *Миненко Н.А.* «Великий князь» Данило Петров сын Тяжелков: феномен самозванства и социальная психология уральского крестьянства в начале реализации реформы 1861 г. // *Андреева Т.А.* (ред.) Социально-политические институты провинциальной России: (XIV – начало XX в.). Челябинск, 1993. С. 111.

[2] См.: *Миненко Н.А.* Отношение государственных крестьян Урала и Западной Сибири к местной бюрократии в первой половине XIX века // Уральский исторический вестник.. 1994. № 1. С. 43–52.

[3] Цит. по: Российские либералы: кадеты и октябристы / Сост. Д.Б.Павлов и В.В.Шелохаев М., 1996. С. 137.

арбитром в конфликте интересов»[1]. 37% респондентов, принимавших участие в социологическом опросе в 2001 г., связывают защиту своих интересов с усилением власти президента. И только незначительное меньшинство (4%) предпочли бы установление парламентаризма[2].

Вполне естественно, что введение даже существенно ограниченных буржуазно-правовых институтов в начале XX в. с трудом воспринималось патриархальным сознанием социальных низов. Пользоваться полученными политическими правами они не умели. Корни «мирского» и волостного самоуправления уходили в глубь истории общины и были близки и понятны крестьянам. А самоуправление уездного и губернского уровня появилось лишь в 1864 г. И если идея выборности сельских и волостных властей к началу XX в. была принята крестьянским сознанием, то о своем праве через выборы влиять на состав уездного и губернского земства, не говоря об общероссийском государственном органе, крестьяне имели еще очень смутное представление. Идея всесословного самоуправления, а с 1906 г. и идея о том, что верховная политическая власть принадлежит народу и что эту власть они могут делегировать для управления в уездном, губернском или общероссийском масштабе, требовали более высокого уровня политического сознания, чем тот, которым тогда обладало крестьянство. Исстари крестьяне считали, что управление местностью, в которой они проживали, а уж тем более всем государством – дело царя и его наместников. Поэтому в массе своей рядовые крестьяне не претендовали на участие во власти, на политические права.

Воспоминания И.Л.Крестьянина и И.Е.Лаврентьева в «Сборнике статей перводумцев» ярко демонстрируют эту особенность менталитета крестьянства. Только некоторые из них начали интересоваться «народной жизнью и литературой», «втягиваться в политику», но гораздо большая часть продолжала оставаться накануне выборов неразвитой в политическом отношении, «серой» массой, правда, всегда готовой поддержать требование «земли» и «воли», подразумевая под последней лишь уничтожение сословной дискриминации[3].

---

[1] *Ожиганов Э.И.* Актуальные аспекты современного политического сознания населения России. // Социология власти: Информационно-аналитический бюллетень. 2001. №4.

[2] Опрос 2400 респондентов, проведенный социологическим центром РАГС при Президенте Российской Федерации в мае 2001 г. по общероссийской репрезентативной выборке в 24 субъектах Федерации.

[3] К десятилетию первой Государственной думы. 27 апреля 1906 г. – 27 апреля 1916 г.: Сборник статей перводумцев. Пг., 1916. (статьи И.Л.Крестьянина , И.Е. Лаврентьева).

Общий обзор различных источников, передающих дух и обстоятельства общественно-политической обстановки во время думских выборов в разных губерниях, позволяет сделать вывод, что только требование земли было действительно глубоко осознанным, исходным стимулом общественной активности российского крестьянства в этот период. Требования политических свобод, преобразования государственной жизни, учреждения законодательной Думы сознательно разделяла лишь незначительная часть крестьян, причем они оставались скорее всего поверхностными.

Крестьяне имели весьма туманное представление о том, как организована и функционирует государственная власть, какое место в обществе отводится народу. И уж совсем плохо они были знакомы с новым избирательным законодательством. Корреспондент кадетской газеты «Клязьма» из Чаадаевской волости Муромского уезда Владимирской губернии в разгар избирательной кампании в I Думу сообщал: «О Государственной думе и Манифестах 6 августа и 17 октября немногие здесь знают»[1]. Действительно, крестьяне часто даже не знали, что такое Дума и кого туда надо выбирать. В Пинском уезде Минской губернии на вопрос «Кого будут выбирать в Думу?» один из уполномоченных ответил: «Да, мабуть, того же самого царя, что и теперь»[2].

Среди основной массы российских рабочих, происходившей из крестьянства и прочно сохранявшей его менталитет, монархизм и патриархальные представления о власти тоже были широко распространены. Только в период революции 1905–1907 гг. отношение рабочих к государству и власти начало меняться, хотя и достаточно медленно. Судогодский уездный исправник в июле 1912 г. сообщал во Владимирское губернское жандармское управление о своих наблюдениях за настроениями рабочих: «Фабрично-заводские рабочие, не представляющие строго обособленной от крестьян корпорации и живущие в условиях, близким к крестьянским, и настроение в политическом смысле имеют схожее с крестьянским»[3].

Индифферентность народных масс к своим политическим правам ярко проявилась в их спокойном, даже равнодушном отношении к разгону I Государственной думы в июле 1906 г. Обращение депутатов к народу в так называемом «Выборгском воззвании»

---

[1] Клязьма. 1906. 22 янв.

[2] Цит. по: *Сидельников М.С.* Образование и деятельность первой государственной думы. М., 1962. С. 141.

[3] ГАВО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 871. Л. 70.

с призывом к пассивному неповиновению – «ни копейки в казну, ни одного солдата в армию» – не нашло практически никакого отклика в социальных низах города и деревни: отказы от уплаты налогов и от воинской службы были единичными по России. Разгон II Государственной думы и изменение избирательного законодательства в июне 1907 г. также не вызвали народного протеста. Подобная гражданская инертность продемонстрировала, что народ в то время был не готов защищать ни своих избранников, ни собственные избирательные права.

Следует отметить и новую тенденцию развития общественно-политического сознания социальных низов российского общества. Октябристская газета «Владимирский край», описывая предвыборные настроения в деревне, выделяет «два резко выразившихся направления, разрыв между которыми здесь чувствуется, может быть, даже больше, чем среди интеллигенции. Это – молодежь или "дети", отклоняющаяся влево, и "отцы", стоящие гораздо правее»[1].

Подобную ситуацию увидел корреспондент кадетской газеты «Клязьма» среди иваново-вознесенских рабочих. Здесь также четко выделялись две группы. Первую составляли пожилые рабочие, проживающие и работающие на фабриках вместе с семьями свыше 10–15 лет, «свыкшиеся со своей жалкой долей». «Современное общественное движение такие рабочие не понимают по своему невежеству и забитости», они «даже возмущаются теми волнениями, которые иногда происходят на фабриках и нарушают их покой и благополучие», они «готовы защищать старый режим». Таких рабочих большинство. Но появилась уже другая группа рабочих, поступившая на фабрики после начала освободительного движения. «Эти люди вполне сознательные, они находят время читать и пополнять свои знания, они не скрывают своих новых взглядов, хотя нередко страдают за высказываемые идеи». Таких рабочих пока мало, но «их ряды постоянно пополняются новичками»[2]. Таким образом, и в городе, и в деревне начал появляться слой более молодых, более образованных людей, которые постепенно идентифицировали себя и свои интересы.

Заметим, что в современной России тоже четко прослеживается разделение политических предпочтений населения в зависимости от возрастной категории. Среди сторонников КПРФ более половины (свыше 52%) – люди старшего возраста (50 лет и выше). Либераль-

[1] Владимирский край. 1907. 19 янв.
[2] Клязьма. 1906. 28 марта.

ным партиям симпатизирует другая возрастная группа: в рядах «Яблока» 40% людей среднего возраста (от 30 до 40 лет), а в СПС – 33,6% молодежи (от 18 до 30 лет)[1].

У большей части социальных низов российского общества начала XX в. практически полностью отсутствовали укорененные политико-правовые представления и понятия. Это приводило к тому, что результаты выборов практически полностью зависели от конкретной общественно политической ситуации. В революционной обстановке 1906 – начала 1907 г. выборы в Думу показали кардинально иной результат, чем в более спокойной ситуации осенью 1907 г. и тем более, в 1912 г. Если в I и II думах большинство мест принадлежало кадетам – более радикальному крылу либералов и левым – трудовикам и социал-демократам, то ядром III и IV дум были октябристы, выражавшие интересы прогрессивных помещиков и крупной буржуазии, и «поправевшие» кадеты.

Весьма показательна в этом плане ответная реакция крестьян на предвыборную агитацию различных политических партий. Прекрасно осознавая, что «мужик – это сила и основа государства», «это большая часть наших избирателей»[2], и октябристы, и кадеты устраивали предвыборные собрания, лекции, беседы, рассылали своих агитаторов по фабрикам и деревням, по чайным и питейным заведениям, где они проводили импровизированные митинги; снабжали огромным количеством прокламаций все торговые заведения; распространяя сотни тысяч своих программ, воззваний, листовок, посылали по почте в волостные правления посылки с агитационной литературой и т. д. Социалисты тоже активно распространяли свою партийную литературу.

Реакция крестьян была традиционной. В оппозиционной прессе то и дело появлялись сообщения о «испуганном и недоверчивом отношении крестьян, рабочих и других низменных слоев к пропаганде»[3], о «просто враждебном отношению к разговору о Думе со всяким незнакомым человеком»[4]. Агитатор – интеллигент нередко воспринимался на селе, как «люцинер», «поликан» (искаженное от слов «революционер» и «политикан»), олицетворение крамолы и враг царской власти.

Обнаруживая листовки или прокламации левых партий, крестьяне, как правило, приносили их сельским старшинам или волостным

---

[1] См.: *Разумов И.Н.* Электоральная база политических партий // Социология власти: Информационно-аналитический бюллетень. 2002. №1–2. С. 134–139.

[2] Владимирский край. 1907. 17 янв.

[3] Красный архив. Т. XXXVI. С. 97.

[4] Владимирский край. 1907. 17 янв.

старостам, а те передавали их в местную полицию, точно так же, как и посылки с кадетской литературой. Нередки были случаи, когда крестьяне задерживали и приводили к уряднику агитаторов, «говорящих против царя».

Сословная замкнутость, слабое развитие личности в русском человеке, низкая грамотность, особая ментальность, ориентированная на традицию как основополагающий принцип жизни, и страх восприятия всего нового, тормозили влияние политических сил, выступающих за изменения в стране, на настроения социальных низов, особенно в первые избирательные кампании по выборам в Государственную думу. В 1906 г. из 141 члена кадетской партии в Калужской губернии крестьян было 4,2%, а рабочих – 1,4%; в Смоленской губернии, соответственно, 8 и 3%. Подобное положение было во Владимирской и других центральных губерниях[1].

Российскому крестьянству начала XX в. ближе и понятнее были призывы черносотенцев к сохранению незыблемости самодержавия и отстранению недобросовестных чиновников от власти. К концу 1907 г. правые черносотенные организации насчитывали, по приблизительным оценкам, 400 тыс. человек, главным образом из «простонародья», и действовали в 2208 населенных пунктах 66 губерний. Во время выборов в III Думу осенью 1907 г. в 51 губернии Европейской России к правым партиям принадлежали 42% крестьянских выборщиков[2]. Это было самое массовое движение в тот момент[3]. Революция 1905–1907 гг., несомненно, оказала сильное воздействие на крестьян, но не сделала преобладающую их часть, особенно в провинции, республиканцами и демократами.

У подавляющего большинства российских крестьян первого десятилетия XX в. отсутствовала оппозиционность к самодержавному строю, в их сознании не было революционных идей и идеалов. О явном преобладании монархических взглядов в крестьянской среде свидетельствует и ход выборов в Государственные думы. Так, из 20 уполномоченных, выбранных на волостных сходах в Ковровском уезде Владимирской губернии в ходе избирательной кампании во II Думу, 7 человек являлись членами Союза

---

[1] См.: *Сидельников С.М.* Образование и деятельность Первой государственной думы. М., 1962. С. 116.

[2] См.: *Степанов С.А.* Черная сотня в России: (1905–1914 гг.). М., 1992. С. 244.

[3] См.: *Степанов С.А.* Численность и состав черносотенных организаций // Политические партии России в период революции 1905–1907 гг.: количественный анализ. М., 1987. С. 193.

русского народа (черносотенцы), 6 – были беспартийными монархистами, 4 – неопределенных взглядов и 3 – левые[1]. Из 28 уполномоченных от волостных сходов Вязниковского уезда той же губернии только трое, с точки зрения местного исправника, оказались «не вполне благонадежными», поскольку «были замечены в вольных суждениях о земле» и «вели разговоры осудительного характера против правительства»[2].

Обзор данных различных социологических опросов и анализ электорального поведения российских избирателей рубежа XX–XXI вв. свидетельствует о том, что в волеизъявлении людей, особенно старших возрастных групп, ярко проявляются сложившиеся в прошлом устойчивые стереотипы сознания и поведения. Значительной части населения России остается присущей такая черта, как приверженность традиционным взглядам, нежелание воспринимать новые идеи и способы мышления. Многие граждане нашей страны, особенно в провинции, живут под девизом: «Пусть плохое, но привычное, а значит понятное».

Так, КПРФ продолжает оставаться одной из крупнейших политических партий современной России. Ни одна из других партий в 2002 г. не смогла соперничать с КПРФ по общему числу проведенных ею избирательных кампаний по выборам депутатов законодательных органов субъектов Российской Федерации и ни одна партия не получила такой поддержки избирателей, как КПРФ. И, хотя по итогам выборов в регионах в 2002 г. представительство КПРФ в ряде субъектов Федерации заметно сократилось, однако в целом политическая база этой партии остается достаточно внушительной. По опросам общественного мнения, проведенным ВЦИОМ в 2002 г., КПРФ лидировала в рейтинге партий.

Рейтинг таких либеральных партий, как СПС и «Яблоко», несмотря на их активное участие в региональных выборах с целью расширения своей массовой электоральной базы, по данным тех же опросов общественного мнения, находился в пределах 6–7%, а ЛДПР – 8–9%[3].

## Особенности электорального поведения российских избирателей

Указанные особенности социальной психологии и политико-правовая незрелость народных масс порождали своеобразное электо-

[1] Владимирский край. 1907. 18 янв.
[2] ГАВО. Ф. 14. Оп. 2. Д. 398. Л. 6 об., 7, 7 об.
[3] Там же. С. 19, 22, 24.

ральное поведение российских избирателей. Прежде всего, это невысокая избирательная активность большинства населения и города, и деревни.

Основная масса избирателей, как правило, совершенно не разбиралась в программах различных партий. Эсер Т.В.Локоть, обобщая свои впечатления о первой избирательной кампании, отмечал, что провинция в этот период в политическом смысле представляла собой нечто неопределенное, бесформенное и туманное. По его мнению, избиратели руководствовались скорее соображениями, касающимися свойств и качеств личности кандидата, чем программами его партий. Значит, провинциальные выборы, давшие подавляющее большинство депутатов Думы, нужно оценивать, скорее, как личные, а не партийные. А также необходимо открыто признать, отмечает Локоть, что российский избиратель еще не готов к осознанному, самостоятельному участию в выборном процессе[1]. Близки были к его оценкам и члены Трудовой группы в Думе: Водовозов, Тан и др.

Сегодня, сто лет спустя, анализируя ход президентских, региональных и местных выборов 1993–2003 гг., исследователи электоральной культуры и поведения российских избирателей отмечают, что основным мотивом выбора кандидатуры являются не политические свойства, а отношение к личностным качествам конкретного кандидата.

В начале XX в. исход выборов в губернских избирательных собраниях в большинстве случаев зависел от выборщиков крестьянской курии. Но они были не подготовлены к этой роли и зачастую голосовали по указанию земского начальника или случайно. Газета «Клязьма» писала о волостном сходе в селе Черкутино Владимирского уезда Владимирской губернии: «Выбрали наши мужики, пришли в трактир, да носы повесили: «Кого мы выбрали? Где у нас головы были? Как же это получилось? Да очень просто. Ловачов крикнул: «Талалаева!», а Талалаев: «Ловачова!». Вот вам и кандидаты. Наваляли им шаров, – вот и все!»[2]. В массовом порядке имели место выборы по жребию. Во многих случаях крестьяне голосовали под давлением местного начальства, которое часто нарушало законы о выборах.

Многие губернаторы в своих отчетах министру внутренних дел «О ходе и результатах выборов в Первую Государственную думу» отме-

[1] См.: *Локоть Т.В.* Первая дума. Статьи, заметки и впечатления бывшего члена Государственной думы. М., 1906. С.13.

[2] Клязьма 1906. 2 марта

чали «тупое равнодушие простого населения к выборам», «желание поскорее отделаться от утомительной обязанности участвовать в выборах»[1].

Картина составления избирательных списков и первая стадия городских выборов во время думских избирательных кампаний начала XX в. наглядно подтвердила нежелание значительной части имеющих право голоса участвовать в выборах. Согласно «Положению о выборах», лица, уплачивавшие квартирный налог, вносились в избирательные списки самой городской управой. Наниматели мелких квартир без уплаты налога обязаны были заявить о своем желании принять участие в выборах в письменном виде, на что отводился трехнедельный срок. Во Владимире, например, за пять дней до окончания срока подачи заявлений в городскую управу поступило всего лишь одно такое заявление[2]. В результате к 26 января 1906 г. по 50 губерниям Европейской России было подготовлено всего лишь 66 (или 12,5%) списков избирателей и 103 (или 20%) списков уездных избирателей[3].

Явка на предварительные съезды землевладельцев по 114 уездам 38 губерний в среднем составляла 15%. Многие волостные сходы крестьян не могли считаться состоявшимися «за недочетом людей до 2/3 состава», необходимого для принятия правомочного решения. Например, во время выборов во II Государственную думу из 22 волостей Владимирского уезда выборы уполномоченных состоялись с первого раза только в 12 волостях. Во время выборов в III Думу из 15 волостей Суздальского уезда выборы уполномоченных не состоялись в шести[4].

Таким образом, менее образованные и менее состоятельные избиратели смотрели на Думу или индифферентно, с безразличием невежественного человека, или уповали на облегчение материального положения, которое даст им Дума[5]. При этом электоральное поведение крестьян и городских низов во многом оказывалось непоследовательным и непредсказуемым из-за отсутствия твердых политических убеждений и склонностей. Имея своим главным желанием получение земли, крестьяне, например, часто голосовали за

[1] Цит. по: Становление российского парламентаризма начала XX века / Под ред. Н.Б.Селунской. М., 1996. С. 77.

[2] См.: Клязьма 1906. 8 янв.

[3] См.: *Сидельников С.М.* Образование и деятельность Первой государственной думы. С. 130.

[4] ГАВО. Ф. 423. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–32; Ф. 205. Оп. 2. Д. 486. Л. 86–97.

[5] См.: Становление российского парламентаризма… С. 77.

правых, даже не подозревая, что этим они сами лишают себя всякой надежды.

Абсолютно иное отношение к выборам проявляли «имущие слои», совершенно независимо от своей сословной принадлежности. Здесь уже шла борьба за вхождение во власть. По опыту деятельности земских управ и городских дум состоятельные крестьяне, мещане, купцы и промышленники хорошо усвоили, что властные полномочия способствуют личному обогащению. Поэтому состоятельные граждане основательно и заинтересованно подходили к выборным процедурам и не прочь были занять места выборщиков, а то и депутатов Думы, нередко используя для этого «грязные технологии»: подкуп, различные махинации и т. д.

Любопытные эпизоды доносят до нас архивные материалы периода думских выборов. Например, богатый крестьянин В.К.Семенов, окончивший трехклассное Владимирское уездное училище, владеющий семью десятинами земли и крестьянскими постройками на сумму 1200 рублей, к сорока двум годам 3 года исполнял должность председателя Борисовского уездного волостного суда и 15 лет – церковного старосты, был гласным Владимирского уездного земского собрания и попечителем Яновецкого сельского училища, «подпоил все общество», то есть десятидворных, собравшихся на волостной сход, и таким образом оказался в числе избранных[1].

Во время выборов в I Думу в волостные уполномоченные были избраны преимущественно должностные лица и крестьяне умеренных взглядов. Из избранных по шести уездам Владимирской губернии 213 уполномоченных 74 (35%) составляли волостные судьи, старшины, сельские старосты. Подобная картина наблюдалась и на третьей стадии крестьянских выборов. Из 1958 крестьянских выборщиков 40 губерний Европейской России было: сельских и волостных должностных лиц – 251, церковных старост – 15, торговцев и промышленников – 154, сочетавших службу с занятием сельским хозяйством – 34, вышедшей из крестьянской среды интеллигенции – 44[2].

Отметим, что на ответственные выборные должности обычно избирались «мужики зажиточные, солидные». Формально любой крестьянин мог стать выборным. Но самые важные выборные долж-

[1] ГАВО. Ф. 423 Оп. 1. Д. 20. Л. 46.

[2] См.: *Сидельников С.М.* Образование и деятельность Первой государственной думы. С. 140.

ности были связаны с наибольшими потерями рабочего времени и, следовательно, с материальными убытками и отрывом от хозяйства[1]. Эти потери не компенсировали жалованье и незначительные льготы выбранным на должности. Поэтому практически все важные и престижные должности занимали зажиточные крестьяне. К тому же и грамотность среди них была в два раза выше, чем среди основной массы крестьянства[2].

Подавляющее же большинство населения страны не понимало полезности всероссийского представительного органа власти. На наш взгляд, это было связано прежде всего с тем, что в России в начале XX в. не сложился тип личности нового времени, которая принимает изменения как норму, гражданские и политические права, как неотъемлемый атрибут человека, а рыночную экономику и частную собственность – как необходимые условия, обеспечивающие нормальное функционирование общества и государства. Само же российское общество в этот период представляло собой общество переходного типа, в котором еще не сложились гражданские институты.

Сегодня все современные исследователи согласны с тем, что и в начале XXI в. российскому обществу присущи черты общества переходного типа. Добавим, что и российский избиратель, при существовании вполне цивилизованного демократического избирательного права, к сожалению, во многом сохранил особенности электорального поведения избирателей начала прошлого века.

По данным социологических опросов, рядовых российских избирателей сегодня, как и 100 лет назад, интересуют их насущные повседневные проблемы: тарифы на коммунальные услуги, размеры зарплаты, пенсий, пособий, стипендий. Люди все больше считают, что государственной власти и депутатам Государственной думы нет дела до жизни «простого народа». Это выражается если не в прямом возмущении, то опосредованно: на предыдущих выборах в Думу около 64% избирателей либо не приняли участие в голосовании, либо проголосовали против всех кандидатов[3].

---

[1] По некоторым подсчетам общественные дела на выборных должностях в среднем поглощали до трети годового бюджета времени.

[2] Подсчитано Б.Н.Мироновым по: Статистические материалы по волостному и сельскому управлению 34 губерний, в коих введены земские установления. Б. м., б. г. табл. 1 (б).

[3] Очередное заседание «круглого стола» политиков, социологов и политологов Московского дома общественных организаций // Свободная мысль. 2003. №2.

Десятилетний опыт существования думского периода в истории Российской империи убедительно доказал, что формальная юридическая возможность быть субъектом избирательного права не означает наличия действительной способности им быть. Население, в большинстве своем не имеющее должного общеобразовательного и правового уровня, слишком долго пребывавшее в отчуждении от власти и своих гражданских потребностей и интересов, не способно по мановению волшебной палочки стать активным сознательным электоратом.

Думается, что выборы как социальный процесс и политико-правовой институт являются одним из механизмов воспитания гражданского сознания, поскольку вырабатывают навыки действительного и полноценного участия граждан в формировании и осуществлении государственной власти, ответственной перед ними и контролируемой ими.